

Юзеф Лившиц

О себе

Сейчас мне 75. Вес - около 90, рост - 166. Аппетит хороший, особенно, когда дело касается закуски. Насчитал у себя семь болячек, но, кажется, сбился со счета. Одна жена, один сын, четверо внуков. Не привлекался, не судился, в советское время на пятый пункт анкеты по учету кадров отвечал «Да».

Кандидатскую диссертацию защитил в 1964 году в Тартуском университете, а докторскую - в 1975 году в Ленинградском университете. Однако из-за козней «черного оппонента» пришлось ее перезащищать в 1977 в столице советской родины на ученом совете института, называвшимся НИИИПИПИ (Научно исследовательский институту изучения причин преступности). Хорошо, что по профилю знаний не был направлен на перезащиту в Научно исследовательский институт химических удобрений и ядов.

В школе получил прозвище «ШКРАБ», т.е. «Школьный работник» С 5 по 7 класс - председатель совета пионерской дружины школы. 8, 9 классы - секретарь комсомольской организации школы, все студенческие годы - член комитета комсомола факультета. В Таллинне долгие годы был членом райкома партии, а в эпоху раннего горбачевизма - заместитель идеологической комиссии горкома партии. Сейчас моя партия - любимая супруга Маргарита Дмитриевна Петрова (кличка «Ритуся»), с которой нахожусь в состоянии перманентной дискуссии по основным проблемам бытия и сознания.

Когда и где меня произвели на свет, я узнал намного позже, чем это случилось. Но то, что прояснилось потом, подтвердило мои ранние ощущения. Я родился, хотя и не по собственному желанию, но мама и папа меня ждали и надеялись, что ребеночек будет им в радость. У нас рано возникло взаимное теплое чувство, и оно компенсировало многое из того, чего никогда не было или было явно недостаточно: материального благополучия, в первую очередь.

Готов биться об заклад, что любовь к жене, домашним тапочкам и родине - это совсем разные чувства, а вот слово одно. Поэтому остерегаюсь им пользоваться.

Из рассказов и документов я получил информацию, что увидел свет 12 августа 1932 года, когда молодая супружеская пара, состоявшая из Макса Лившица и Голды (Галины) Гофман, естественно ставшей тоже Лившиц, проживала на улице Колокольной, в центре Ленинграда. Они снимали комнатку у старой актрисы Александринского театра. Звали они ее ласково тетя Катя. Вроде, в свое время была знаменита. Фамилия у нее была через черточку, двойная. Кажется, Корчагина - Александровская. Мне родители пару раз рассказывали о ней и о том счастливом для них времени. Но я многое забыл. Актерская шатия-братия в этой квартире часто устраивала после спектаклей шумные посиделки до глубокой ночи. Там было уютно и весело. Возможно, потребность в такой обстановке

оказалась во мне генетически запрограммированной, что и испытывал во все последующие времена.

За годы жизни в Советском Союзе мне неоднократно приходилось убеждаться в том, что, чего уж не следует делать, так это выпячивать грудь и заявлять, что ты еврей. Долго мне удалось как-то быть обладателем не очень семитской внешности. И только на закате, когда твоя суть (вместе с ее проявлениями) вылезает наружу, вдруг стали заметными специфические черты, которые сейчас в еврейской общине города Таллинна позволяют мне себя чувствовать (по лицу) не совсем посторонним лицом.

К чему это все? Вспомнил!

Так вот, Колокольная улица находилась в анклавном расселении петербургских евреев. Как узнал из книжек, их ассимиляция на русской основе началась лишь во второй половине позапрошлого века. Многие соплеменники, которым удалось перескочить через черту оседлости и поселиться в столице государства Российского, долгие годы были полноценными иудеями, глубоко верующими, со своей древней культурой, обычаями, языком. Потому и старались жить обособленно и компактно. Такое явление хорошо известно городам, где много иммигрантов, Нью-Йорку, например. Но к началу следующего века появилось немало отошедших, что на воровском жаргоне означает «ссучившихся», утративших весь еврейский образ жизни.

Кто такие на идиш «хофманы» разгадать не трудно: очевидно, - люди двора. С «Лившицами» дело обстоит сложнее. Один из знатоков мне пояснил, что окончание фамилии явно смахивает на «защитника» (от немецкого преобразованного «Schutz»). Мол, в еврейских поселениях на севере Баварии была особая каста охранников, защищавших свою территорию от посягательств извне. Но что такое «лив»? Не ливонцы же? А кто его знает? Может быть, это были защитники от бандитов из ливонского Ордена? Возможно, что охранная деятельность у первых Лившицев там и тогда получалась. Но в советское время?... Осталась только беззащитная фамилия. Ведь перефразировал же какой-то остро слов текст из знаменитой Песни о Родине И. Дунаевского и Лебедева-Кумача «за столом никто у нас не лишней...» в «за столом никто у нас не Лившиц». Такой заголовок уже во время хрущевской оттепели был дан одной из статей в политическом еженедельнике «Новое время», но, справедливости ради, замечу, что сделано это было иронично и иносказательно.

Моя фамилия, оказалось, есть у не малого числа соплеменников. Однажды в Таллинне на каком-то мероприятии, проходившем в Русском культурном центре (бывший Дом офицеров флота) ко мне подошел председатель Союза славянских обществ Эстонии Николай Соловей. Его просьба показалась странноватой. Он хотел, чтобы я выяснил, бывал ли в Таллинне Петр Ильич Чайковский, а, если да, то где, когда и в связи с чем. Один коллега по работе потом, когда я ему рассказал об этом, высказал предположение, что Н. Соловей перепутал меня с другим Лившицем - Яковым. Тот прославился своими многочисленными публикациями в газетах и выступлениями по радио об истории Таллинна и культуре Эстонии. На адрес редакции газеты «Эстонии» мной было отправлено письмо однофамильцу с рассказом о случившемся. Письмо заканчивалось

призывом «Лившицы Эстонии, объединяйтесь!». Ответа не последовало.

Схватить за хвост еврейскую самобытность мне уже не представилось возможным. Ни вера, ни язык в родительской семье никак не указывали на этнические корни. Таких указателей я не смог обнаружить ни у кого из родственников по папиной линии, даже у деда Григория Осиповича и его брата Михаила Осиповича, жившего до войны чуть ли не в соседнем с нами доме. Иногда в разговорах какие-то словечки, почерпнутые из идиша, проскакивали, но они воспринимались как крупинки жаргона, который сложился у лабухов (ресторанных музыкантов), к коим принадлежал папа, как и все его родные братья. Но мама, все же, делала по праздникам (в том числе и революционным) фаршированную рыбу, чаще - цимес (который я ел, давясь), ходили в гости к маминым сестрам, у которых (прежде всего - у Ривы) национальная специфика явно присутствовала. У нас на крыше платяного шкафа лежал покрытый слоем пыли молитвенник на иврите. Мама никогда его не открывала, но говорила мне что, эта книга приносит в дом счастье.

Раз уж упомянул язык, небольшое отступление. Мой родной язык - русский. Родной и единственный. Немецкому меня в школе стали учить в 1945 году. Всю ненависть, которую тогда испытывал к поверженному немецкому фашизму, перенес на этот предмет. Масла в огонь подливало советское кино о прошедшей войне. Кажется, учителя очень старались, чтобы дети плохо освоили язык. Полиглоты считались подозрительными как склонные к государственной измене. Правда, потом, в студенческие годы, как и по другим дисциплинам, по немецкоязыковой был отличником. Успешно сдал затем кандидатский экзамен. Читал профессиональные тексты. Но тем и ограничился. Эстонский тоже ко мне практически не прилип, о чем очень скорблю. Но и к русскому есть претензии. Сейчас чувствую, как трудно писать на единственном и неповторимом. Оказывается, он и богатый, и бедный одновременно. Как много одних и тех же слов используются в разных смыслах!

Весьма точный анекдот на эту тему, дошедший с дореволюционных времен. Полк покидает уездный город, где был расквартирован. Бал по этому поводу. Молодой поручик развлекает группу дам:

- Дамы, вам задам загадку. Что под яйцами гладко? Одна падает в обморок, другая громко возмущается охальником, третья покидает компанию, громко топая ножками. На шум из биллиардной комнаты выходит полковник. Ему с возмущением сообщают о бестактности его подчиненного.
- Поручик, строго спрашивает он, что Вы имели в виду?
- Яичницу, господин полковник!
- Вот видите, дамы, все весьма прилично.

Уходит, но через некоторое время возвращается. Отводит поручика в сторону и спрашивает:

- Любезнейший, объясните мне старому, как же это так: голой ж. и на раскаленную сковородку?!!!

Недалеко от Колокольной находится Пушкинская улица. Ее-то я и считаю своей малой родиной. Где-то в возрасте 2-3 года, когда семья стала занимать одну комнату в относительно небольшой коммунальной квартире на третьем этаже дома 16 на улице, названной именем великого поэта и не менее грандиозного женолюбца, малыш стал что-

то соображать и испытывать какие-то увлечения и влечения.

Пушкинская улица - сказка. Вливается в Невский. Всего двадцать домов. Все они примерно одной высоты, украшены лепниной. Дома, конечно, были обшарпанными. Тем не менее, впечатление как от одного могучего вибрирующего музыкального звука, исторгнутого незаурядным оперным голосом, прокатившимся по залу и заставившим содрогнуться зрительские сердца. Это мое детское впечатление. Посредине улица расширяется, предоставляя место для крохотного скверика, в центре которого стоит величественный памятник А.С. Пушкину. Рукотворный монумент, на пьедестале которого в числе прочего начертано, что сам поэт себе соорудил памятник нерукотворный.

Мне так и не удалось узнать, почему этот памятник, по всей видимости, один из первых пушкинских в городе, был поставлен на улице, которая получила свое наименование то ли из-за светоча русской культуры, то ли из-за его изваяния. Только лишь легенда улицы дает какое-то объяснение. Рядом со сквером - дом 11. Там по рассказам был в свое время бордель. А.С. в нем частенько бывал и покорял сердца девиц пылкостью своего естества и вдохновенностью творчества. Гибель поэта так потрясла жриц любви, что они по большому счету скинулись и заказали памятник. Так что, какие качества усопшего увековечены в бронзе, приходится только догадываться.

Мне кажется, что на Пушкинской улице многие родителей примечали. Макс и Галина любили приодеться и выглядеть пижонски. Особенно папа. Зимой в мягкой шляпе серого цвета и темно-синем драповом пальто с котиковой шалью из под которой кокетливо выглядывала черная кис-кис на фоне белого воротника сорочки, к тому же еще, как тогда было модно, ботинки прикрыты серыми гетрами. Стройный, с гордо поднятой головой, он всем видом показывал, что идет человек искусства, который гордится своим избранничеством. Хотя судьба у него оказалась не легкой.

В многодетной семье Григория Осиповича маленького Максика чуть навсегда не потеряли по причине его тяжелого заболевания. Инфекционный менингит с осложнением головного мозга. Он выжил, но последствия этой страшной болезни терзали его всю остальную жизнь. Когда болезненная волна отступала (недуг назывался циклотимией), Макс Лившиц становился веселым приветливым человеком, а, благодаря своей музыкальности, и нередко - душой компании. Он знал много забавных эстрадных куплетов, да и сам был способен рифмовать.

Благодаря протекции ректора Петербургской консерватории композитора Глазунова, с которым Григорий Осипович был дружен, Макс Лившицу удалось даже некоторое время проучиться в этом известном учебном заведении по классу виолончели.

Дед Григорий Осипович, очевидно, был заметной личностью в музыкальных кругах. Когда Иоганн Штраус гастролировал в России, он доверял моему деду вместо себя дирижировать оркестром на концертах в г.Павловске под Петербургом. Семейной реликвией стали скрипка и дирижерская палочка, подаренные Григорию Осиповичу великим композитором. Дед руководил оркестром на балах, устраиваемых царской четой в

Зимнем дворце.

Болезнь, ограничив одни возможности организма, не смогла сломить врожденную музыкальность папы. В этом призвании он был талантлив. Мне казалось, что не могло быть такого инструмента, на котором он не мог бы сразу же, только познакомившись с ним, заиграть. До войны ресторанные оркестры исполняли разную музыку, в том числе и популярную классику. А это требовало мастерства.

На фронт Макса Лившица отправили в июле 1941 года. Солдатом и на передовую. Как он справлялся с этой миссией, не могу себе представить. Он не был приспособлен к иному существованию, кроме как в мире музыки. И все-таки, война мобилизовала внутренние ресурсы. В дивизионной газете даже стали появляться стихи Максима Лившица.

Но что-то трагическое должно было случиться. Вражеская пуля попала в локтевой сустав правой руки, и Макс навсегда утратил возможность играть на виолончели («смычковая» рука стала плохо разгибаться). Не меньшая беда случилась тогда, когда часовой Лившиц в зимнюю морозную ночь заснул на боевом посту. Его хотели предать суду военного трибунала. Но не было счастья, так несчастье помогло. Во время доставки заключенного к месту осуждения у него случился сильный понос. Поместили в госпиталь. Диагноз - дизентерия. Случайно в госпитале больного узнал военный комиссар этого заведения. Оказалось, ленинградский лабук, сделавший успешную военную карьеру и дослужившийся тогда до чина майора. Он, очевидно, приложил много усилий, чтобы избавить несчастного от судебного преследования. Более того, Макс Лившиц, благодаря стараниям этого благородного человека стал оркестрантом фронтового ансамбля, с которым прошел всю войну, побывав даже в Китае. Возвращение домой произошло после капитуляции Японии. Так вот, в ансамбле Макс сразу же стал успешно играть на бас-балалайке, большом, заменявшем контрабас, щипковом инструменте, искусством извлечения звуков из которого студенты музучилищ овладевают несколько лет. А тут взял в руки и заиграл, и не просто так, а в составе оркестра.

Мой музыкальный настрой создан папой. Не посещая детсада, часто находился днем дома, слушая длинные гаммы в папином виолончельном исполнении, которым на смену приходили фрагменты из самых разнообразных классических произведений. Это была среда, формировавшая психику. Не думаю, что из меня хотели сделать музыканта. Правда, где-то около года во Дворце пионеров на Фонтанке посещал занятия профессора Шпильберга. Когда я делал ошибку, учитель яростно бил смычком по пальцам. Поэтому мне захотелось быть летчиком. Чтобы взлететь в самую высь и сбросить вниз ненавистную скрипку.

Но потребность в заполнении души щемящими звуками уже сформировалась и она меня выручала в последующем неоднократно. Много лет спустя, студентом университета и его аспирантом на сдачу самых трудных экзаменов иду пешком через весь Невский, напевая про себя полюбившиеся классические мелодии. Мобилизация интеллектуальных и нравственных сил на трудные испытания и стимулирование оптимистического настроения. Безотказная технология!

Война для меня началась тогда, когда в пионерском лагере, что был в Красных Стругах, я пребывал в младшем отряде писунов. Мокрые матрасы выставлялись на просушку и до того, как на пионерской линейке начальник лагеря объявил о вероломном нападении фашистов и о важности быть бдительными из-за опасности высадки в нашем районе немецкого парашютного десанта. После такой информации наш отряд был готов залить не только территорию лагеря, но и подступы к нему, чтобы десант утонул в наших патриотических осадках. Свой долг малышня старалась выполнять систематически и честно.

Но тут приехала взволнованная мама и отвезла меня домой. Ленинград был неузнаваем. Полоски газет и других бумажек, наклеенных на стекла окон всех домов крестообразно по диагонали, внушали тревогу и ощущения близкой большой беды. Вскоре мы с мамой провожали на фронт папу. Кажется, это был Витебский вокзал. Мама плакала, папа бодрился, пока не прозвучала команда на посадку. Тут и он не выдержал, сказав сквозь слезы, чтобы я слушался маму и помогал ей. После этого расставания мы увиделись только в сентябре 1945 года.

На Пушкинской улице война показала свое кровавое лицо во второй половине августа. Бомба попала в дом № 9. Пожар, паника, взволнованные люди. Говорили, что вражеское кольцо сжимается вокруг города. Как я теперь понимаю, выбраться из города у нас не было никакой возможности. Мама нигде не работала, а эвакуация, как правило, проводилась по предприятиям и учреждениям.

Но тут проявил свои незаурядные способности, безграничную отзывчивость и доброту военный комиссар госпиталя, располагавшегося в Мечниковской больнице. Это был Давид Юрьевич Рейфе, муж моей тети Сары, папиной сестры. Военную форму ему пришлось одеть еще в Финскую войну. У него было командирское звание. Тогда, кажется, в петлицах гимнастерки было по одной шпале. Помню в ту военную кампанию дядя Додя, иногда попадая домой случайно в тот момент, когда у его жены в гостях оказывался брат Макс с семьей, показывал появившиеся у него трофейные красивые ножи в кожаных чехлах, которые назывались финками. А еще он читал нам вслух забавные стихи про одного бравого солдата, находившего выход из любой ситуации. Солдата звали Василий Теркин. Был ли это предварительный вариант будущей, созданной во время уже Великой Отечественной войны, поэмы Твардовского, или что-то другое, не знаю.

Теперь в петлицах у нашего спасителя было уже по две шпалы, что по-тогдашней табели о рангах означало майор. Видно дядя Додя в своих кругах был человеком влиятельным. Об этом красноречивее всего говорит тот факт, что, когда последний эшелон с ранеными бойцами покидал Ленинград, наш спаситель смог устроить места в поезде для своей жены с двумя мальчиками, мамы со мной и жены папиного брата Шуры - Ксаны с дочкой Аней (Нюсей).

Нас поместили в купированный вагон для начальства. Около Тихвина состав попал под фашистские бомбы. Было страшно. Рядом в темноте полыхал огонь, съедавший крышу дома. Мелькали силуэты людей, пытавшихся справиться с пожаром. Видны были пунктиры трассирующих пуль. Двоюродный брат Эдик, что был на семь лет старше меня,

пытался вместе с военными забраться на крышу вагона, чтобы сбрасывать с нее падающие зажигательные бомбы. Но тетя Сара категорически его непустила, приказав всем лечь на пол, чему сама показала пример. Кто-то в вагоне обделался. Этот запах врезался в память как аромат войны.

В Казани эвакуированных поселили в дом, находившийся рядом с озером Кабан, что неподалеку от центра города. Озеро было вечно грязным с темной мутной водой. Возможно из-за тепловой электростанции, стоявшей на противоположном берегу. Дом представлял собой одноэтажную бревенчатую развалюху, державшуюся каким-то чудом. Потом, когда ударили печально известные морозы первой военной зимы, а я не мог ходить в школу из-за отсутствия теплой одежды, сидя в кровати под прикрытием каких-то тряпок, с интересом рассматривал зимнюю улицу через щели между покрытыми инеем бревнами, образующими стену дома. А рядом с крыльцом возвышался наш Эверест, образовавшийся из замороженных фекалий выгребной ямы уличного туалета.

Осенью еще как-то существовали. Зимой стало плохо. Мама была мастером ОТК на заводе, где изготовлялись снаряды. На работу ходила пешком много километров туда и обратно. В рваных валенках. Ноги были обморожены и распухали. Но духом не падала. Я ее жалел и старался помочь. Разрушал забор городского сада на дрова для «буржуйки». Вместе с компанией татарских пацанов на базаре обрезал хвосты у лошадей, чтобы изготовить сапожные щетки. Потом на улице Баумана чистил обувь прохожим, зарабатывая на хлеб. Покупал по карточкам продукты. Однажды случилась беда. Карточки у меня, когда стоял в очереди, украли. Выжили только благодаря родственной солидарности.

Писем с фронта не было почти три года. Папа не знал, где его семья, а мы -где он. Жить было так тяжело, что мама послала сигнал «808!» своей сестре Риве, находившейся в эвакуации вместе с мужем -инвалидом и двумя детьми в далеком городе с загадочным именем «Алма-Ата».Туда и перебрались. Появилась кое-какая доступная еда и одежда. Но случилось нечто, что, возможно, подсознательно предопределило мой последующий интерес к криминальной юриспруденции. 11- летний пацан оказался членом воровской шайки. Она гнездилась в доме, где мы проживали. Быстро и принудительно научили пить спирт, крутить самокрутки и интересоваться сексом. Не исключаю, что пришлось бы посидеть на скамье подсудимых, но война кончилась и произошла эвакуация домой.

С антисемитизмом в тогдашней стране мне приходилось сталкиваться неоднократно.

В ленинградской 206-й школе, размещавшейся в здании бывшего Петровского коммерческого училища, я прошел фактически гимназический курс, и весьма успешно. Школа славилась хорошими педагогами и традициями. Поступал на факультет географии Университета. С сочинением по литературе, казалось, повезло. Та же самая тема, что и на выпускном экзамене. В школе за сочинение получил -5, в университете -3. Попытка выяснить причину столь низкого бала успехом не увенчалась. На следующем устном испытании по географии экзаменатор после того, как услышал мой рассказ о том, через какие города должен проходить Южно-украинский и Северо-крымский канал, велел мне назвать все казачьи станицы, которые окажутся в зоне этого сооружения. Такой

информации не приходилось встречать даже в газетах. Получив «тройку», в расстроенных чувствах вышел в коридор здания петровских Двенадцати коллегий (главный корпус университета) и повстречал там завуча своей школы по прозвищу «Яишница» (Ия Ивановна Воробьева). Она, как оказалось, на другом факультете участвовала в приеме вступительного экзамена по истории. У меня с ней (как у бывшего секретаря комсомола школы) были теплые отношения. Отреагировав на мой угнетенный вид, она пошла выяснять причину столь низких моих оценок. Вернувшись, тихим голосом и под большим секретом сообщила, что список поступающих снабжен цветными обозначениями. Зеленый цвет у тех, кого необходимо принять, красный - для участников конкурса, черный - для нежелательных элементов. Моя фамилия оказалась в числе последних. Забрав по совету «Яишницы» документы, перешел через двор, и подал их в приемную комиссию юридического института, находившегося по соседству, где, видно, так перестарались с отсеком, что образовался недобор. Там в один день сдал четыре экзамена, и определил судьбу на всю оставшуюся жизнь - быть юристом. Все-таки студентом университета мне довелось побывать. Во вкладыше моего диплома о высшем образовании можно прочитать о том, что я поступил на юридический факультет университета в 1954, а закончил его с отличием в 1955 году. Объяснение простое: институт ликвидировали, студентов же присовокупили к контингенту юрфака университета.

Распределение на работу носило строго обязательный характер. Так вот, меня -одного из двух круглых отличников в числе 220 выпускавшихся (кстати, второго тоже звали Юзефом, но Песочиным, а не Лившицем), имевшего рекомендацию Ученого Совета факультета в аспирантуру, распределили в почтовую контору города Николаевска на Амуре. И только случайное стечение обстоятельств позволило остаться в родном городе, но не в аспирантуре, а в отделе по борьбе с карманными кражами уголовного розыска. Такое издевательство чем либо другим, кроме как антисемитизмом, объяснить невозможно. Позже, когда я уже жил в Таллинне, поступить в заочную аспирантуру ЛГУ все же удалось, хотя из нее вскоре перевелся в сектор права института экономики Академии наук Эстонии.

Сейчас уже одновременно смешно и грустно вспоминать, на какие ухищрения квасные российские патриоты в мундирах администраторов и ученых только ни шли, чтобы помешать еврею поступить в аспирантуру Ленинградского университета и в адъюнктуру Московской Высшей школы МВД. На вступительном экзамене в Ленинграде ко мне, в частности, предъявили требование подвергнуть критике теорию перманентной революции Троцкого, но сделать это, исходя из первоисточника. Фамилия же Троцкого оставалась запретной в течении десятилетий советской власти, а его произведения были изъяты из доступного пользования. В Москве я был единственным кандидатом на одно место адъюнкта по кафедре теории уголовного права с девятнадцатью экзаменационными баллами из двадцати возможных. Отказали в приеме без каких-либо вразумительных объяснений. По тем же самым причинам защиту кандидатской диссертации пришлось перенести из Ленинградского университета в Тартуский.

Где мне не пришлось встречаться с антисемитизмом, так это в Эстонии. Здесь я оказался в августе 1955 года в составе 128 выпускников юрфака ЛГУ, оказавшихся на работе в ленинградской милиции. В Нымме была школа милиции всесоюзного значения. Нам надо

было за два месяца овладеть основами милицейского ремесла. Учиться было легко. Свободного времени оказалось много. Мы с товарищем решили на сцене Ныммеского дома культуры показать то, чем были увлечены в студенческие годы. Собрали более или менее поющих и танцующих энтузиастов эстрады из школы милиции, а сами стали вести конферанс. Концерты пользовались большим успехом. Через месяц мы вдвоем стали обладателями золотых медалей конкурса молодежи Таллинна. О школе милиции в городе заговорили. Начальнику школы Оскару Юргенсону такое оказалось очень по душе. И он предложил нам двоим остаться в учебном заведении преподавателями юридических предметов. Отказа с нашей стороны не последовало.

Многое удалось преодолеть. Но барьер, называемый временем, неприступен. А времени, кажется, осталось уже мало...